

А.П. Гайдар

**Лесные братья
(Давыдовщина)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
Г12

Гайдар А.П.
Г12 Лесные братья (Давыдовщина) / А.П. Гайдар – М.: Книга по Требованию, 2021. – 74 с.

ISBN 978-5-458-03786-0

Предлагая эту повесть вниманию читателей «Уральского рабочего», автор должен сделать оговорку. Повесть эта написана на исторической канве, и главные действующие лица ее — действительно существовавшие люди, все же второстепенные персонажи — вымышлены и введены исключительно с тем, чтобы сделать повесть более занимательной и интересной.

А поэтому некоторое расхождение написанного с действительно происшедшим не должно смущать товарищей, которым когда — либо приходилось встречаться с «лесными братьями». Самих боевиков — Алексея и Ивана Давыдовых автор, поскольку мог, старался вывести без излишних прикрас, по тем материалам и воспоминаниям, которые удалось достать.

Автор (1927)

ISBN 978-5-458-03786-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.П. Гайдар, 2021

Аркадий Петрович Гайдар

Лесные братья (Давыдовщина)

Повесть¹

Предлагая эту повесть вниманию читателей «Уральского рабочего», автор должен сделать оговорку. Повесть эта написана на исторической канве, и главные действующие лица ее — действительно существовавшие люди, все же второстепенные персонажи — вымышлены и введены исключительно с тем, чтобы сделать повесть более занимательной и интересной.

А поэтому некоторое расхождение написанного с действительно происходившим не должно смущать товарищей, которым когда — либо приходилось встречаться с «лесными братьями». Самих бойцов — Алексея и Ивана Давыдовых автор, поскольку мог, старался вывести без излишних прикрас, по тем материалам и воспоминаниям, которые удалось достать.

Автор (1927)

УНТЕР — ОФИЦЕР ШТЕЙНИКОВ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В АРЕСТАНТСКИЕ РОТЫ

На севере Пермской губернии, в Соликамском уезде, в одной версте от маленькой станции Копи, посреди высоких гор, на берегу озера, убегающего в зеленую даль кудрявых лесов, стоял старый Александровский завод Демидова. До 1905 беспокойного года каждый день из каменных труб черною лентою плыл в небо тающий дым, дышали огнем раскаленные печи и ударами железного сердца звенели тяжелые молотки закопченных кузнецов.

В 1905 беспокойном году, в один из будничных дней, как потушенные окурки гигантских папирос, перестали вдруг дымить трубы. Остыли печи, и перестало биться железное сердце, надорванное стихийной в то время эпидемией рабочих забастовок.

Конечно, в этой забастовке повинны были и управители завода, хищными зубами конторских расчетов выгрызающие каждую заработанную копейку у александровцев. Конечно, в этой забастовке повинна была и волна революционного брожения, начавшаяся по всей России. Но при всем этом все же нельзя не указать, что главными инициаторами, главными вдохновителями этой забастовки были братья Иван и Алексей Давыдовы, в то время простые рабочие, потом — сотоварищи по делу великого бунтовщика Лбова, позднее — грозные мстители за его смерть и каторгу сотен других революционеров и еще позднее — мертвецы, погребенные в глубоких тайниках каменных тюрем рядом с трупами многих десятков расстрелянных и повешенных товарищей.

Точное место их могилы неизвестно, ибо нет над ними ни памятников, ни каменных плит, ни даже поросших травой холмиков набросанной земли. Но имена их живы и до пор в памяти рабочих седого Урала, с благодарностью вспоминающих их славную жизнь и с горечью — их гордую смерть.

В мае 1907 года с одним из первых пароходов, пришедших из Чердыни, прибыла в Соликамск партия арестантов.

Их построили попарно. Окружили цепью стражников. И перед тем, как тронуться, старший конвоир еще раз озабоченно посмотрел — все ли в порядке, крикнул толпе зевак, чтобы она держалась подальше, потом сделал выражение лица таким, какое он всегда считал необходимым при разговоре с арестантами, то есть свирепым до

неестественности, и гаркнул громко:

— Ну вы, подзаборные дворяне, если по дороге чуть что... то враз пулю.

Хотя эти слова должны были, по — видимому, относиться ко всей партии, но обращены они были в первую очередь к невысокому, крепко сколоченному арестанту, стоявшему в первой паре.

Запятив усмешку в края чуть обвислых губ арестант плюнул на землю, растер плевков ногою и по-солдатски, прикладывая руку к козырьку, ответил четко:

— Так точно! Уж постараемся, ваше благородие!

Но, очевидно, «его благородию» не пришелся по вкусу ни неуместный плевков, ни подозрительный смысл полученного ответа, ибо он, повернув коня, перекрестил дважды арестанта нагайкой и еще раз, приказав конвойным быть начеку, подал команду трогаться.

Лязгнули кандалы, и, сопровождаемые толпой любопытных мальчишек, державшихся поодаль, арестанты тронулись в путь.

На перекрестке одной из улиц вышла маленькая задержка: из — за угла перерезала путь похоронная процессия. Хоронили умершего с перепоя купца Сидора Перегоркина. Арестанты остановились, конвойные настороженно приподняли шашки, ибо получилась заминка — одна из тех, во время которых конвойному полагается быть настороже.

Арестант из первого ряда толкнул локтем соседа и шепнул ему что — то, но в следующую же минуту обернулся, по тому, что услышал чей — то негромкий окрик из толпы:

— Штейников!

И в ту же секунду к: его ногам упал маленький камешек, завернутый в бумагу.

Воспользовавшийся давкой арестант быстро поднял его и сунул за пазуху. Как раз в это же время монахи, прибавившие ход, освободили дорогу, и партия тронулась дальше.

Штейников внимательно посмотрел на рассасывающую толпу, стараясь угадать бросившего камень. Сначала он никого не увидел, но потом взгляд его остановился на старьевщике стучавшемся деревянной палкой в ворота соседнего дома.

«Не тот ли? — подумал Штейников. — Но кто бы это мог быть?»

Ворота тюрьмы широко раскрыли железную пасть, погнули, проглотив серую массу заключенных. И арестант из первого ряда, бывший унтер-офицер Штейников, еще раз плюнув на землю очередной тюрьмы, констатировал факт что еще один этап по пути в

арестантские роты пройден.

Незадолго до этого управляющий Луньевскими копиями, лежащими в семи верстах от Александровского завода, Иванов позвонил приставу Караваеву и попросил его арестовать и выслать из Луньевки рабочих: Алексея Давыдова и Петра Неволлина, выгнанных им из завода и работающих на постройке одного из казенных домов.

В эту же минуту пристав Караваев был озабочен только что полученной телеграммой из Перми, в которой говорилось, что, имеющимся у охранного отделения агентурным сведениям, известный бунтовщик и мятежник Лбов собирается распространить свое влияние на северные уезды губернии, а поэтому приставу предлагалось быть более осторожным, тщательно наблюдать за вновь прибывающими и проезжающими пассажирами, а также обо всем исключительном немедленно доносить не только в Соликамск, уездному исправнику, но и непосредственно в Пермь.

Эта телеграмма, с одной стороны, несколько встревожила пристава, с другой — польстила его самолюбию, ибо с уездным исправником был он не в ладах и надеялся, что теперь плоды его усердной работы будут по достоинству оценены непосредственно губернским жандармским управлением.

И пристав Караваев, получив сообщение управляющего, решил немедленно, сейчас же круто прибрать к рукам всех подозрительных и неблагонадежных людей, а потому тот час же вызвал к себе урядника Китаева и стражника Попова, приказав им задержать обоих рабочих.

Было раннее теплое утро, когда оба полицейских неторопливо и важно подошли к кучке отдыхающих рабочих.

Однако при их появлении никто не счел нужным ни встать, ни поздороваться с ними, наоборот, все замолчали и сделали вид, что прибывших не замечают. И если бы полицейские были более внимательны, то они, вероятно, смогли бы заметить, что при их приближении кто — то быстро шмыгнул в кусты, а некоторые торопливо попрятали какие — то отпечатанные листки за пазухи.

— Углев! — окрикнул стражник подрядчика. — А где у тебя эти зайчики? Почему их не видно?

Углев лениво повернул голову и ответил спокойно, как будто бы не понимая, о ком идет речь:

— Какие еще?

— Петька и Алексей!

Однако подрядчик Углев, по — видимому, не торопился с ответом, потому что он вынул кисет, закурил и только тогда ответил

начинавшему уже сердиться стражнику:

— Нету еще! Не было и не знаю, когда будут! Может, и вовсе не придут!

Стражники, убедившись в том, что толком здесь ничего не добьешься, крепко выругавшись, ушли доложить об этом приставу.

Через некоторое время после того, когда они скрылись, из — за деревьев показались двое. Были они возбуждены чем — то. Смеялись громко. Один из них тащил целую связку свежих баранок, а другой нес подмышкой сверток каких — то листов.

— Давыдов! — крикнул обеспокоенный подрядчик — Алешка, пес тебя заешь! Чево вы опять там натворили! Сейчас только стражники за вами приходили!

Но Давыдов рассмеялся вместо ответа. Потом откусил баранку и, бросая кипу листовок под дерево, сказал спокойно:

— Черт с ними! Это все управитель еще за забастовку науськивает! С завода выгнал, так и отсюда выпереть хочет! Только мне теперь наплевать!.. Совершенно наплевать! — повторил он и многозначительно переглянулся со своим товарищем.

Тот утвердительно кивнул головой и добавил:

— Нам теперь что? Мы теперь свободные дворяне! Эх, ма!..

Возле них собрался народ. Давыдов вынул из свертка несколько прокламаций и громко стал читать их притихшим рабочим. И после первых же слов еще несколько человек побросали лопаты и подошли поближе, внимательно прислушиваясь. — Черт его знает, руки как свинцом налились! День такой тяжелый, а тут еще слушаешь — и работать сегодня неохота! Как подумаешь, что написано, так плюнул бы на все и ушел куда глаза глядят!

— Стой тише, слушай!

И опять все замолчали.

Алексей кончил читать и сказал:

— Слышали, что возле Перми Лбов делает? Все замутил, всех поднял. За его башку сколько тысяч обещано! Полицию, ингушей нагнали, а ему хоть бы что! Как ястреб носится вокруг!.. Это — человек!

— А у меня баба на днях к отцу своему ездила, — вмешался в разговор один из присутствующих. — В Мотовилихе он служит. Так там вроде как фронт открылся! Что ни ночь, то стрельба. Шпиёнов, говорят, нагнали! В каждый дом их насадили. И все без толку, потому что на заводе все как один за Лбова стоят!

И разом разговор вдруг оборвался, ибо было видно, как с горки спускались возвращающиеся полицейские.

— Алешка!.. Неволин, бегите! — слышались предупреждающие голоса. — Ребята, все на свои места! Будут спрашивать, говорите, что ничего не видели и ничего не слышали!

Но Давыдов вместо того, чтобы бежать, еще раз переглянулся с Неволиным. Неторопливо спрятал листовки, спокойно засунул руки в карманы и встал, прислонившись к старой, покрытой мхом ели.

Урядник Китаев, озадаченный равнодушным видом Давыдова, подошел к нему. Внимательно посмотрел на него и, положив на всякий случай руку на эфес шашки, приказал ему следовать тотчас к приставу. Но так как ни Давыдов, ни его товарищ не выказали ни малейшего намерения подчиниться этому приказанию, то он сделал попытку схватить Давыдова за рукав, но в ту же минуту получил та — кой сильный удар в голову, что, шатаясь, отлетел в сторону.

Увидев это, стражник Попов вынул револьвер, но прежде, чем он успел поднять его, грохнул неожиданный выстрел, и стражник упал в канаву. Давыдов, подскочив к раненому полицейскому, выхватил у того шашку и бросился с нею на урядника Китаева, который в страхе принялся бежать, чуть прихрамывая, потому что пуля, пушенная ему вдогонку Неволиным, слегка задела ногу.

— Теперь айда, — крикнул Давыдов, — давай сматываться! Но взбешенный Неволин, махнув головой, чтобы его подождали, побежал к конторе управляющего, распахнул дверь и, встретившись лицом к лицу с Ивановым, выстрелил в него в упор из своего большого, но ржавого бульдога.

— Получил? — крикнул он покачнувшемуся и побледневшему управляющему. — Так тебе, собаке, и надо!

И Неволин, повернувшись, хотел выскочить из дверей, но в это же время кто — то из — за спины со всего размаху уда — . рил его бутылкой по голове. Он закачался, хотел выстрелить еще раз, но не смог, потому что на него наскочили со всех сторон и крепко заломили руки назад.

Когда он очнулся, то увидел себя окруженным полицейскими.

Прямо перед ним стоял управляющий с перевязанной головой. Выстрел был направлен верно, но пуля дрянного, старого револьвера не смогла даже пробить подбородок Иванова и застряла возле кости.

Неволин обернулся и, увидав, что Давыдова нет, решил, что, вероятно, тому удалось скрыться. А потому он вздохнул глубоко и, взглянув в лицо управляющему, сказал с ненавистью:

— Не взял тебя старый бульдог, погоди, возьмет новый маузер!

И опять закрыл глаза.

А в это время в лесах, прилегающих к Перми, носились неуловимые боевые дружины мотовилихинского рабочего Александра Лбова.

А в это время в лесах, прилегающих к Перми, рыскали карательные отряды хищных ингушей, и то здесь, то там схватывались отчаянной мертвой схваткой два непримиримых врага: жандармерия и лбовцы. И весь рабочий Урал с напряженным вниманием следил за этой неравной схваткою. И по заводам, в цехах, собравшись кучками, делились рабочие друг с другом добытыми сведениями. Полушепотом, чтобы не слышали те, кому не надо, поговаривали, покачивая головой:

— Ну и ну!.. Затеял Лбов дело! Отчаянный человек!.. Да только вряд ли чего добьется! Вот ингушей прислали, жандармов понагнали, а как если нужно будет, так и казаков пришлют! Ох, казаков-то на Дону хватит еще на нашего брата!

Но по ночам жены рабочих таскали лбовцам хлеб, и часто по ночам то в одно, то в другое окошко мотовилихинского поселка тихо и осторожно:

— Тук... тук...

— Кто там?

— Тише, отворяй! Свои... лбовцы!

БРОДЯЧИЙ ТЕАТР МИСТЕРА ФРАНСУА ДЖОНСОНА

С некоторых пор широковещательные афиши, намалеванные пальцем, обмокнутым в чернила, обещавшие показать пермской «почтенной» публике «представление по совершенно новой программе, с участием египетского факира и прорицателя Али — Селяма, фокусника Лонжерона, а также прочего людского и животного состава» потеряли всякую привлекательность для базарной публики. И если не считать десятка — другого завсегдатаев мальчишек, из которых добрая половина пробиралась без билетов, то последние две недели сарайчик на Сенной площади, именуемый громко театральным помещением, был совершенно пустым.

Тщетно арендатор сарайчика Соломон Шнеерман — он же Франсуа Джонсон — ломал голову, придумывал какой-нибудь новый номер, чтобы привлечь внимание публики и повысить сборы театра. Ничего не получалось, тем более что с тех пор, как во время одного из представлений у египетского прорицателя Али — Селяма неизвестно кто украл в темноте единственный восточный халат, впал Али — Селям в мрачное настроение и, ежедневно бессовестно напиваясь, заявлял уже несколько раз, что надоело ему быть факиром и что собирается возвратиться он опять в лоно церкви путем поступления в иноки какого-либо богоугодного монастыря. И если до последнего времени мистер Джонсон возлагал надежды на французского фокусника Лонжерона, то теперь окончательно пал духом, ибо еще только на днях Лонжерон нагло потребовал от него, чтобы ему заплатили жалованье за три месяца, угрожая в противном случае бросить театр и уехать к себе на родину в Тамбовскую губернию.

И перед мистером Джонсоном во весь рост встал вопрос о необходимости срочно сменить местопребывание своего театра, искать более доходного места и менее требовательного зрителя. А посему, поразмыслив, мистер Джонсон решил отправиться с одним из ближайших пароходов вверх по Каме, в глухой уездный городишко Соликамск.

Узнав об этом бесповоротном решении, факир Али Селям и фокусник Лонжерон решительно направились в ближайшую базарную пивную и там, осушив полдюжины пива, заказали вторую и, вероятно, распили бы и ее таким же порядком и разошлись без всяких приключений, если бы внимание фокусника не было привлечено сидящим в углу рыжебородым странником, который в продол-

жение цело — го часа тянул все одну и ту же бутылку пива, то и дело поглядывая на дверь и, по — видимому, поджидал кого — то.

Но не это обстоятельство привлекло внимание Лонжерона. Станным ему показалось то, что, нагибаясь за тем, чтобы поднять нечаянно упавшую коробку спичек, странник уронил шапку и инстинктивно, сразу же схватился за голову, как бы поправляя волосы, то есть невольно сделал тот самый жест, который делает всякий цирковой клоун, боящийся потерять плохо прилаженный парик.

«Эге, — подумал Лонжерон, — вот оно что!» — И толкнул локтем мрачно насупившегося факира Али — Селяма, усиленно и без всякой очереди накачивающегося пивом.

— Ну? — коротко спросил тот, опрокидывая в глотку стакан.

— Заметил?

— Ничего не заметил! — хмуро ответил тот и добавил тихо:

— О, господи! Прости прогрешения наши, как бы не влипнуть еще в какую историю! Пойдем лучше отсюда, брат, дабы не согрешить!

Но Лонжерон был совершенно особого на этот счет мнения и, не послушавшись благого совета старшего товарища, начал исподтишка наблюдать за подозрительным странником.

Тот, по — видимому, отчаявшись дожидаться того, кто ему был нужен, потянулся уже рукой к сумке, собираясь уходить, как вдруг внезапно переменил свое намерение. И от Лонжерона не ускользнуло то, что странник подчеркнуто спокойно засунул правую руку в огромный карман потрепанной рясы, ибо в окошке показали силуэты двух прохаживающихся возле дверей полицейских.

Пивная имела только один выход. Впрочем, была другая верь, но та через коротенькие сени вела только в уборную.

Еще раз заглянув в окошко, незнакомец быстро встал, глаза его сощурились, заблестели, и лицо, сразу сбросив маску благочестивого смирения, приняло настороженный и хищный вид. Он встал и быстро вышел в уборную.

Терзаемый любопытством фокусник пошел за ним...

Прошло минут пять, и оттуда же мимо захмелевшего Али — Селяма, слегка покачиваясь, прошел какой — то бритый подвыпивший мастеровой в засаленной куртке, обутый в грубые нечищенные сапоги.

«Пресвятая богородица, — подумал, широко открывая глаза, ничего не понимающий Али — Селям, — а это еще кто? Как будто бы туда больше никто не проходил! Неужто он там все два часа сидел!»